

ЯКУТСКИЕ ОЛОНХО В КОНТЕКСТЕ ЭПИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НАРОДОВ МИРА

А.А.БУРЦЕВ¹

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены типологические связи и параллели якутского героического эпоса Олонхо, признанного ЮНЕСКО «шедевром устного нематериального наследия человечества», с эпическими памятниками тюрко-монгольских и других народов Евразии.

Ключевые слова: Олонхо, якутский героический эпос, фольклор, миф, легенда, устное наследие, традиция, типологические связи и параллели, мировое дерево, сказитель, певец.

---

¹ Prof.Dr., Northeastern Federal University named after M.K.Ammosov, Доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова (Россия), baalos@mail.ru

YAKUT OLONKHO IN THE CONTEXT OF EPIC MONUMENTS OF THE WORLD

ABSTRACT

In the article typological connections of Yakut heroic epos Olonkho, recognized as “a Masterpiece of Oral and Intangible Heritage of Humanity”, with epic monuments of Turkish – Mongolian and other Eurasian nations are being observed.

Keywords: Olonkho, Yakut heroic epos, folklore, myth, legend, oral heritage, tradition, typological connections and parallels, world tree, storyteller, singer.

Якутский героический эпос - Олонхо - по праву относится к числу самых богатых и развитых образцов эпической поэзии народов мира. Олонхо, возникшее в далекой древности, занимало исключительное место в жизни народа саха. Оно вобрало в себя представления древних якутов о мироздании, их религиозные, морально-этические, эстетические взгляды.

У якутского народа была очень развита культура Олонхо. Народные певцы - олонхосуты ревностно защищали, берегли творения предков, содержащие мудрость веков. О мастерах якутского художественного слова, олонхосутах, окруженных со стороны народа подчеркнутым пиететом, говорили так: «Они своим красноречием текущую воду в комок собирают». В.Сорошевский в работе «Якуты» называл олонхо и «сказкой», и «песней», и «былиной»: «Язык сказок, песен, былин, украшенный аллитерациями, вставками, повторениями, очень труден для перевода...» [Сорошевский 1993; 568].

Термин «Олонхо» обозначает и общее жанровое понятие якутского эпоса, и отдельные сказания, составляющие этот жанр. Сказания Олонхо обычно называются по имени главного героя («Эр Соготох», «Эрбэхтэй Бэргэн», «Кыыс Дэбиллийэ», «Нюргун Боотур Стремительный» и т. д.) и представляют собой эпопеи поэтической формы, достигающие тридцати-сорока и в отдельных случаях шестидесяти тысяч строк.

Народный эпос творился веками, хранился и устно передавался в течение столетий с древнейших времен до наших дней. Еще сохраняется живое исполнение якутского эпоса, выпускаются пластинки, ставятся оперные и драматические спектакли. Как указано в республиканской целевой программе «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо», к настоящему времени собрано свыше 120 полных текстов эпических песен, более 100 сюжетов в рукописном варианте и свыше 100 кассет магнитофонных и видеозаписей Олонхо [Республиканская; 6-7].

Олонхо относят и к крупным музыкально-эпическим произведениям, поскольку оно представляет собой своеобразную диалогическую оперу без сопровождения (наряду с песенными фрагментами, присутствуют и разговорные диалоги). Г. М. Кривошапко в своей книге «Музыкальная культура якутского народа» отмечает песенный характер Олонхо, его музыкальную природу. Действительно, песни в Олонхо занимают его значительную часть. Например, продолжительность полного исполнения

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, по подсчетам музыкальных исследователей, составляет 36768 стихотворных строк, в том числе речитативы - 23259 и песни - 13509 строк. Описательные и повествовательные части Олонхо декламируются речитативной скороговоркой, а индивидуальные партии всех персонажей, их диалоги передаются песнями [Кривошапко 1982; 34]. Олонхо исполняют обычно лучшие певцы, хорошо владеющие национальным пением, сложившимся вместе с образованием самостоятельной якутской народности, как своеобразная форма песенного творчества.

Форма исполнения якутского эпоса заслуживает отдельного разговора, поскольку Олонхо исполняется с вечера до рассвета, на протяжении приблизительно 10-12 часов. Как и у казахов, киргизов, бурят, алтайцев, калмыков, тувинцев, хакасов, у якутов живы традиции эпического песнопения.

Олонхо, будучи высшим художественным выражением национального самосознания, неотделимо от этнической истории якутов. Как и другие эпические памятники мира, якутские Олонхо представляют собой исторические воспоминания в форме идеализированной рефлексии и воплощают понимание и оценку народом своего прошлого, героические сказания о подвигах богатырей, которые являются первыми жителями Среднего мира, родоначальниками и защитниками людей.

В отечественной и мировой фольклористике сложилась определенная традиция, согласно которой исследователи и комментаторы относят якутские Олонхо к архаическому типу эпической поэзии. Русский поэт В. Державин, в чьем переводе вся Россия читала олонхо П. А. Ойунского, как-то заметил, что сказание о Нюргуне Боотуре имеет глубокие корни, идущие от шумеро-вавилонского эпоса о Гильгамеше, который оказал огромное влияние на эпические памятники многих народов мира: и на греческий эпос, и на эпосы обитателей Передней Азии, Ирана, а через них – на устную поэзию народов Средней Азии.

В Олонхо нет конкретных упоминаний об истории народа, описания и сюжеты окрашены элементами сверхъестественной мифологической фантастики. Как неоднократно подчеркивали В. М. Жирмунский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов, Олонхо отражает наиболее древний пласт патриархально-родовых отношений, то есть «эпическое время» исторической жизни якутов. Фактически образная система якутского эпоса строится на почве мифологических воззрений носителей культуры бронзового и раннего

железного века, унаследовавших в своем сознании мировосприятие предшествующих эпох.

Олонхо отражает мифологическое самосознание якутского этноса и его утверждение в «подлунном мире». В соответствии с принципом дуализма герой обычно противоборствует с представителями «другого» мира, и это приводит к тому, что сюжеты якутских Олонхо становятся экстенсивными, многосоставными. Особенности жанровой формы являются мифолого-антагонистический конфликт, имеющий экстенсивное развертывание; сюжетно-фабульная монументальность, нравственно-эстетические противопоставления персонажей «айыы» и «абаасы», а также близкая к речитативу декламация, композиционно-контрастные антитезы тональности голосов [Бурцев 1998; 61].

Космогонические представления создателей Олонхо совпадают с содержанием самых древних пластов эпоса тюрко-монгольских народов и подчеркивают божественное сотворение мира. Типологические параллели можно усмотреть в описаниях устройства мироздания. Мир представляется трехсоставным: верхний, средний и нижний. Два космических начала - небо и земля - изначально выступают в качестве единой стихии, но потом отделяются друг от друга. Такая версия подтверждается в эпических памятниках других народов, в том числе и у алтайцев, и у башкиров. Как и в индийском эпосе, у якутских мифотворцев небосвод держится на подпорках. Правда, различаются они тем, что в якутском эпосе эти подпорки сделаны из монолитных глыб, каменных балок и горных утесов, а в индийской «Рикведе» высокий небосвод укрепляется горящим деревом. В индийском эпосе также присутствует образ, связывающий три сферы, - это мировое дерево, которое индусы называют «богатая береза», скандинавы – ясьень Иггдрасиль, а якуты - Аал Луук Мас.

По одной мифологической концепции, «мир, который создала триада богов, состоял сначала из неба, которое было похоже на четырехугольный коврик-тэллэх». В башкирском эпосе старики с сыновьями поселяются на небольшом клочке земли, окруженном со всех сторон морем. Почти то же самое наблюдается и в якутских сказаниях. В Олонхо «Дьырыбыйа Дьырылыатта» П. П. Ядрихинского изначальная земля-мать представляла собой округлое днище кожаного жбана.

Родственные древние связи якутов с тюрко-монгольскими народами нашли свое отражение и в типологическом сходстве эпических наследий. В якутских Олонхо и бурятских улигерах богатыри спускаются с небес, чтобы стать защитниками человеческого рода. В якутских сказаниях почти

полностью отсутствует мотив земного происхождения богатырей. Даже когда их прародителями назывались земные люди, те оказывались посланниками верховных правителей.

Вообще в архаической эпике герои большей частью имеют божественное происхождение или же их появление на свет происходит при необычайных обстоятельствах. Лианжа из африканского эпического цикла рождается чудесным образом из ноги матери-богатырши сразу взрослым, вместе со своим оружием, утварью и магическими предметами. Якутских богатырей, как правило, спускают с неба духи «айыы», или происходит их чудесное рождение (например, Аталам - богатырь, родившийся от хвощ-травы, которую ела его мать, «одинокая» лошадь), причем очень скоро обнаруживаются их богатырские качества. В некоторых вариантах Вяйняменен, Ильмаринен и Еукахайнен рождаются у непорочной девицы, съевшей три ягоды, Сосруко также чудесно рождается из оплодотворенного камня, а Батрадз выскакивает раскаленным из спины Хамыца и затем проводит детство у водяных существ в море. Амирани, сын богини дали (по сванской версии), донашивается в желудке быка, божественное происхождение отмечено изображением небесных светил на его теле [Мелетинский 1986; 34].

У многих индоевропейских народов архаизация эпических традиций приобретает ярко выраженный характер. Божественная родословная характерна для героев индийской «Рамаяны» - Рама и его братья появились на свет после принятия божественного напитка. Вавилонский Гильгамеш – сын богини Нинсун, Энкиду сотворен из глины богиней Аруру, Ахиллес - сын Фетиды, троянец Эней – сын Афродиты, Сарпедон - Зевса. Вместе с тем герои «Махабхараты» и «Рамаяны» обладают двойной генеалогией. Как и у монгольского Гэсэр-хана, греческого Одиссея, по молитве состарившихся родителей чудесным образом рождается Манас, будущий защитник киргизского народа. Мифологические молитвы индоевропейских и семитских мифов олицетворяют союз земли и неба. Полубожественное происхождение имеют не только известные эпические герои, но и такие персоналии, как Дионис, Аполлон, Христос, Будда, Кришна и другие. Все они восходят именно к этому типу. Вообще в ранних формах эпических повествований постоянно подчеркивается божественное, небесное происхождение героев [Мелетинский 1986; 34].

Типологическое сравнение с героико-архаическими памятниками индоевропейских народов, адыгским, алтайским, бурят-монгольским эпосами, свидетельствует о том, что якутские Олонхо, бесспорно, занимают одно из

ведущих мест в иерархии древних эпических традиций. Олонхо как художественно-эпическая традиция принадлежат к общему культурно-историческому наследию тюрко-монгольских народов. Поэтому в каких-то моментах возникают общие для них мотивы, сюжеты и образы. В их эпических сказаниях отражаются реальные очертания отдаленных событий, межплеменные контакты и этнические связи тюрко-монгольских народов.

На большое сходство якутского героического эпоса с эпосами других тюркских и монгольских народов неоднократно указывали многие исследователи: В. М. Жирмунский, А. П. Окладников, Е. М. Мелетинский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов и другие. Героический эпос тюркоязычных народов зародился и развивался в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во втором-первом тысячелетии до н. э. [Антонов 1974; 27].

Наряду с типологическими параллелями, обусловленными генетическим родством, могут иметь место типологические общности, предпосылкой возникновения которых являются сходные стадии общественно-исторического и культурного развития народов. Примером подобных историко-типологических аналогий могут служить соответствия между древнескандинавской «Старшей Эддой» и Олонхо. В эддических песнях и якутских богатырских поэмах обязательно присутствуют «свой» и «чужой» мир: с одной стороны - добрые «асы» («Эдда») и светлые «айыь» (Олонхо), с другой - злые великаны-йотуны («Эдда») и демоны «абаасы» (Олонхо). Между двумя этими полюсами происходят различные контакты и столкновения.

По мнению Е. М. Мелетинского, на якутском материале, как наиболее архаическом эпическом феномене, раскрывается смысл архетипа «одинокого» героя, не знающего своего происхождения. «Одинокость» героя оказывается следствием того, что он - первопредок или родоначальник, персонаж по своему генезису мифологический. В архаической эпике в целом культурный герой - добытчик и демиург - фигура, за некоторыми исключениями, отмирающая, хотя пережитки этого древнейшего мифологического типа совершенно очевидны.

В якутском эпосе рядом с героем-родоначальником типа Эр Соготох функционирует герой несколько иного склада - Нюргун Боотур, специально спущенный с неба в Средний мир, чтобы защитить его от демонических богатырей абаасы. Такой же характер имеют борьба сынов Калевы с хозяйкой Севера в карело-финских рунах и особенно в мифологических эддических сказаниях и песнях о борьбе Тора, этого бога-богатыря, с мировым змеем

Ермунгандом и живущими по краям земли великанами-ётунами. Защита от них Асгарда и Митгарда, то есть жилища богов и «среднего отгороженного места», населенного людьми, - главная миссия Тора. Даже в тех случаях, когда подобная миссия не выражена эксплицитно, она подразумевается, если речь идет о борьбе с чудовищами, подчиненными Эрмеку - хозяину преисподней, - у алтайцев, с мангадхаями в бурятских улигерах или великанами в нартском эпосе, с драконами в сказании об Амирани, с демонической птицей Зу, небесным быком или чудовищем Хум-баба в шумеро-аккадском эпосе.

Для архаической эпики типична сугубо мифологическая фигура «матери» или «хозяйки» демонических богатырей. Такова старая шаманка абаасы, старуха-куропатка - мать чудовищ у алтайцев, «лебединые старухи» у хакасов, безобразная мангадхайка у бурят, хозяйка Севера - Лоухи в «Калевале».

В эпической поэзии многих народов представлен образ богатырской девы, возникший на бытовых отношениях периода матриархата и получивший широкое распространение, в частности, в кельтском (Айфе, Медб, Эмер) и немецком (Кримхильда, Брюнхильда) героическом эпосе. В якутских Олонхо образ воинствующей женщины нашел воплощение в героинях типа Кыыс Нюргун, Кыыс Туйгун, Кыыс Дэбилийэ.

Великаны и хтонические чудовища выступают в архаическом эпосе иногда как хранители огня, небесных светил, культурных растений и чудесных предметов, но гораздо чаще - как военные противники, похитители женщин и разрушители, в общем как представители хаоса, борющиеся против космоса. Сущест, подобных «абаасы», представляющих «нижний мир», можно обнаружить и в более поздних эпико-мифологических памятниках, в частности, в древнегреческой мифологии. Это циклопы и лестригоны, в том числе Полифем, вожь циклопов, пожирающий спутников Одиссея, который кстати имеет божественное происхождение.

Еще одной частотной фигурой в архаических текстах является чудесный кузнец. Сказания о волшебных кузницах восходят к начальной стадии развития обработки металлов, когда кузнечное дело было особенно ценимо и окружено суеверными представлениями. В якутском эпосе это образ чудесного кузнеца Кудай Бахсы, в древнегреческом - образ Гефеста, в древнескандинавском - Велунда.

Наряду с классическими чертами, характерными для архаических фольклорных памятников (параллелизмы, повторы, постоянные эпитеты, формулы и т. д.), «Эдда» и Олонхо обнаруживают ряд других поразительных совпадений. Отдельные мифологические песни «Старшей Эдды» (например, «Прорицание Вёльвы») и Олонхо («Нюргун Боотур Стремительный») содержат обширные зачины, повествующие о «ранних временах». Эти эпические прологи изображают во многом идентичный пространственно-временной антураж: картину «первотворения», своеобразный «вертикальный разрез мироздания», благословенную «среднюю землю», осененную могучим деревом изобилия (Аар Лууп - в олонхо, ясень Иггдрасиль - в песнях «Эдды»). В якутских Олонхо мировое дерево проливает «белую благодать», образующую молочные озера, в скандинавской мифологии у его корней бьют целебные родники, а с листьев капает живительная роса. Якутское божество Улуу - Тойон, живущее у верхушки дерева Аал Луук, весьма напоминает скандинавского Одина, так же как белые шаманки, вестницы богов «айыь» поразительно напоминают валькирий из «Старшей Эдды» [Мелетинский 1968; 235].

Что касается сюжетов и мотивов, то тут тоже можно привести примеры, подтверждающие наличие «общих мест» в эпосе якутов и эпической поэзии народов мира. В частности, в Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», как и в немецкой «Песни о Нибелунгах», содержится мотив «героического сватовства». Истории похищения и возвращения похищенных женщины занимают огромное место в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири, в эпосе народов Африки, в скандинавском (включая мифологические песни «Старшей Эдды») и ирландском эпосах.

Одной из распространенных эпических ситуаций является борьба между неузнанными братьями или отцом и сыном. Этот сюжет известен в героическом эпосе целого ряда народов: ирландском (Кухулин - Конлайх), германском (Хилтебрант - Хадубрант), персидском (Рустем - Сохраб), в якутском (Ала Гуйгун - Юрюнг Уолан). Причем в подавляющем большинстве случаев коллективный творец отдает победу отцу или старшему брату. Повидимому, такой исход представляется более драматическим и имеет характер ретардации, то есть способствует активизации внимания воспринимающей аудитории.

Непосредственно инициационный характер имеет закладка кузнецами некоторых якутских богатырей, а также Сосруко и Батрадза, «переплясывание» Сосруко других нартов на хасе, наречение валькирий именем Хельги, получение Кухулином своего имени после убийства свирепого

пса кузнеца Кулана, а также обучение его воинскому искусству под руководством Айфе, испытания, которым подвергает героев ирландский волшебник Курои, необыкновенная охотничья или воинская активность юных африканских богатырей и т. д. В тюрко-монгольском эпосе народов Сибири богатыри иногда проявляют героическую строптивость и неистовость, с энтузиазмом ищут себе «сопротивников», чтобы помериться силой. То же самое относится к Амирани. Героическая строптивость доводит Батрадза, Амирани и Гильгамеша до богоборчества. Героический характер приводит к богоборчеству именно в архаической эпике, в которой, так или иначе, присутствует мифологический фон. Различные древнейшие мифологемы, лежащие в основании богоборческих эпизодов в архаических эпосах, сами по себе не связаны прямо с героическими характерами богатырей, но получают в эпических памятниках именно такую дополнительную мотивировку.

Помимо указанных важных для эпического сюжетостроения мотивов, якутскому эпосу хорошо известны и такие «мелкие», но широко распространенные, сюжетные ситуации, как «самопросватывание невесты» (по терминологии Б.Н. Путилова), мотив «плешивца» (по терминологии В.Я. Проппа), и даже мотив «живой воды».

Следует также обратить внимание на сходство имен героев якутского и алтайского эпоса, вернее, основных, наиболее устойчивых компонентов, из которых состоят имена героев. Во многих именах богатырей алтайского эпоса имеется слово «мэргэн» - меткий. Соответственно, один из наиболее популярных героев якутского Олонхо носит имя «Эрбэхтэй Мэргэн» (вариант «Эрбэхтэх Бэргэн»). В именах многих алтайских богатырей присутствует слово «кара» – черный: «Маадай-Кара», «Баадай-Кара». «Хара» - черный – входит в имена якутских богатырей: «Ала-Хара», «Илэ-Хара». Особенно часто оно встречается в именах богатырей-чудовищ, связанных с темными силами, например, «Бюгюстээн-Хара». И в якутском, и в алтайском эпосе в именах богатырей часто встречается слово «беге» (якутское), «беке» (алтайское), означающее «силач», «сильный». Очень часто к именам героинь алтайского эпоса прибавляется слово «коо», означающее «красивая», «красавица»: «Бойдонг-коо», «Темене-коо». В каждом якутском Олонхо в имени красавицы-героини содержится слово «куо»: «Туйарыма-Куо», «Айталыын-Куо». Общность имен героев якутского и алтайского эпоса указывают на близость этих народов и общность их древних эпических традиций в момент создания героического эпоса [Пухов 1970; 118].

К архаической эпике относятся также бурятские улигеры, алтайские, тувинские, хакаские, шорские сказания, а также эпические песни народностей

тунгусо-манчжурской языковой группы. С эпическими традициями указанных этносов якутский эпос, возможно, имеет не только типологические, но и генетические связи, ведь все эти народы приняли то или иное участие в этногенезе якутов. К группе архаических памятников относят и африканские эпосы (о Лианжа Нсонго, Фараоне); карело-финские руны, из которых почетный член Петербургской Академии наук Элиас Ленрот составил знаменитую «Калевалу»; нартские сказания Северного Кавказа; скандинавскую «Старшую Эдду». Следы ранней формы эпоса отчетливо проступают и в таких великих памятниках, как «Рамаяна», «Одиссея», «Беовульф», «Гэсэриада». Со всеми из этих текстов якутский эпос имеет типологические параллели, проявляющиеся как в частных (т.н. «бродячих») мотивах, так и в сюжетно-композиционной и персонажной структуре повествования.

Таким образом, материал якутской эпической традиции обнаруживает многие факты типологических сходжений с фольклорными памятниками народов мира. Эти факты типологических связей Олонхо с эпическими памятниками других национальных традиций являются свидетельством наличия сходных этапов в историческом развитии народов в далеком прошлом и выражением объективно существующей общности многих процессов мирового литературного развития.

Ранее сложившееся мнение об оторванности предков якутов и других народностей восточной Сибири от культурных очагов мира в последнее время стало активно пересматриваться. Известный тезис о том, что сюжеты олонхо зародились в южных степных просторах, предопределяет и другое обстоятельство: происхождение отдельных жанровых видов якутского народного творчества могло быть связано с регионами Центральной Азии и Южной Сибири. Подтверждением этого предположения служит в какой-то степени наличие в произведениях якутского фольклора так называемых «бродячих сюжетов».

Еще Г. В. Ксенофонов находил близкие аналогии в сюжетах библейских мифов о патриархе Иакове, богаче Лаване, прекрасной Рахиль, дурнушке Лилии, о вынутом из воды Моисее, воспринятом в образе религиозного учителя и организатора культа, с одной стороны, и в якутских мифах об Омогое и Эллэе – другой. В частности, о прибытии на плоту Эллэя, которого предания изображают культурным героем, устройтелем ысыаха и религиозного культа. Сам исследователь, поясняя это, отмечал, что «мифологические образы, подобные Эллэю, когда-то были присущи героическому эпосу очень многих культурных народов Азии и Европы», «как

остаток религиозных воззрений, свойственных передвижному скотоводческому хозяйству, господствовавшему в отдаленные исторические эпохи повсюду в пределах Евразийских степей» [Цит. по: Уткин 1994; 16].

Встречается и другой мотив, распространенный у многих народов Старого Света. Например, выпрашивание кусочка земли, которую можно покрыть бычьей кожей: кожа разрезается на ремни и ими обводится обширное пространство. На широкую распространенность этого сюжета обратил внимание в конце 19 века видный представитель «мифологической школы» В. Ф. Миллер, назвав его «всемирной сказкой». Помимо этого в якутском эпосе есть довольно много древних восточных элементов и мотивов. Например, для устройства жизни людей по решению верховных богов с неба на землю направляется юный богатырь, с ним едет сестра. Обязательное присутствие (за редким исключением) сестры является отражением распространенного во всем древнем мире близничного мифа, который первоначально имел ограниченную, конкретную, связанную с повседневной жизнью целевую установку: объяснить происхождение дуально-родовой организации и внедрить в голову людей представления об обязательности экзогамного запрета.

В средние века у различных монгольских и тибетских племен складывается эпос о Гэсэре. По свидетельству Ч. Белла, долго жившего в Тибете, кочевники «рассказывают эпос о Гэсэре в течение многих дней, при этом не допускают ни одного повторения». По древним якутским верованиям, кузнецы и шаманы имеют общего духа-предка Кытай (Кыдай, редко Кудай) Бахсы уус. Ни один из выдающихся богатырей не обходится без помощи Кытай Бахсы: он готовит богатырское оружие, в случае необходимости закаляет богатыря в своем горне, иногда строит ему жилище. Имя означает мастер (учитель) – кузнец Киданец. Племена кытай, известные науке под названием Кидань (русская транслитерация китайского слова цидань – самоназвание кытай) в китайских исторических хрониках упоминаются с 6 века. На протяжении веков они соприкасались с китайцами, сюнну, мохэ, тюрками, монголами и корейцами. В 9 в. разрозненные племена киданей консолидируются, в 907 г. вождь племени Ила Абуги из рода Елюй основывает империю с китайским названием Ляо, начинает династию Елюй. С этим родовым племенем мы связываем имя одного из предков современных якутов – Эллэй. Государство киданей в 1125 году было разгромлено чжурчжэнями (предшественниками маньчжуров). Кидане рассеялись и были поглощены чжурчжэнями, монголами, тюрками. Часть из киданей, по-видимому, присоединилась к предкам якутов, что отражено в преданиях об Омогое и Эллэе.

В Олонхо «Непобедимый Мюлджю» Д. Говорова говорится о том, что на четырех сторонах огромного каменного столба начертаны в натуральную величину портреты и характеристики четырех главных богатырей эпоса. Вероятно, генетическая память поколений могла сохранить предание о древних обелисках с подробным некрологом умерших ханов. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что якутский героический эпос первоначально, в основе своей, сложился у наших предков в Центральной Азии [Сидоров 2000; 127].

Общность происхождения и культуры, а также территориальная близость к тюрко-монгольским народам в период создания героического эпоса привели к генетической общности, а сходство форм общественного развития – к типологическому сходству эпоса. Факты перечисленных типологических схождений Олонхо с другими эпическими памятниками являются выражением объективно существующей общности многих процессов мирового литературного развития. Время, расстояние, разные социально-исторические условия, возникшие за время многовековой раздельной жизни, впоследствии привели к тому, что эпическое творчество якутов в дальнейшем развивалось другим путем. Оно стало серьезно отличаться от эпоса древних соседей, представлять другую его фазу. Сопоставление Олонхо с памятниками эпоса других народов по выявлению генетических общностей и типологических схождений еще не завершено. Результаты этой долгой и сложной работы позволят не только узнать, с какими народами якуты поддерживали связь в глубокой древности и с кем сходны в своем развитии, но и помогут выявить своеобразие якутского эпоса. Необходимо отметить, что даже на самой ранней стадии развития героического эпоса достаточно отчетливо проявляется национальное своеобразие, точнее, своеобразие ареального, этнического. Оно, в частности, проявляется в самой мере архаичности и формах ее проявления, в отражении разных хозяйственных укладов, письменных организаций, ритуально-мифологических традиций и т. п.

Отдельного исследования заслуживает и традиционный этикет исполнения якутского героического эпоса в тесной связи и сопоставлении с другими стереотипными формами коммуникативного поведения якутов. Профессор Л.Л. Габышева в статье «Этикет исполнения олонхо» указывает, что регламентированы были такие моменты, как место и время сказывания олонхо. Олонхо по традиции не могло исполняться утром или днем, обычно его сказывали ночью, точнее – с раннего вечера до предутреннего сна. Исполнение фольклорных произведений с наступлением темноты известно у многих народов, в частности у эвенов, бурят, этот же обычай соблюдался

долганами, хакасами и др. [Габышева 2002; 92]. Запреты и ограничения на время исполнения фольклорных текстов распространялись не только на часть суток, но времена года и касались не только Олонхо. Летом, а также днем во время промысла запрещалось рассказывать сказки у хакасов, то же самое не позволялось у эвенков, кроме того у них весной нельзя было загадывать загадки. Подобные специфические ограничения на рассказывание мифов, сказок, эпоса и других фольклорных текстов широко известны во многих культурах, они связаны с магическими представлениями о слове и пении, с сакральным характером текста [Габышева 2002; 93].

В проблематике якутских Олонхо гармонически сочетаются общечеловеческие и национальные идеалы. С одной стороны, в них провозглашается идея планетарного единства обитателей «срединного мира», их согласия, терпимости, толерантности. Кроме того, актуальной является идея гармонического бытия людей с окружающей природой. С другой стороны, сквозной мотив Олонхо – взаимопомощь и взаимоподдержка людей племени «айыы», их стремление к мирной созидательной жизни, защита рода от поползновений «абаасы», злых демонов нижнего мира. Эти идеи перекликаются с общим пафосом литературного «койне» тюркских народов – «Надписей в честь Кюль-тегина», в которых речь шла о страстном призыве к князьям-каганам жить в мире, избегать кровавых битв, разрешать конфликты мирным путем. По большому счету обнаруживается идейное родство якутских Олонхо с памятниками древнерусской словесности, в частности со «Словом о полку Игореве», тоже содержавшем призыв к собиранию земель и народов в единый союз.

Долгое время Олонхо бытовали в устной традиции. Их исполняли сказители-олонхосуты. Как было уже отмечено, описательные и повествовательные места произносились речитативом, монологи и диалоги пелись. При этом песенный состав олонхо отличался необычайным разнообразием и включал песни-заклинания, песни-призывы, песни-плачи, песни-проклятия, песни-бахвальства богатыря, песни-повеления божеств [Емельянов 1993; 19].

Не случайно современные ученые воспринимают якутские героические сказания как явление словесно-музыкального творчества. Впрочем, еще И.А. Худяков называл олонхо «зародышем народной оперы» [Худяков 1969], а В.Л. Серошевский упоминал об их ролевом исполнении [Серошевский 1993; 590-591]. Но наиболее полную музыкальную картину мира в Олонхо представила в своих работах известный музыковед А.П. Решетникова. По ее мнению, именно песенные разделы выделяют Олонхо среди других

национальных эпосов и придают им характер уникальной эпической системы [Решетникова 2005].

Совершенно очевидно, что такой уникальный культурный феномен, каковым является якутский героический эпос Олонхо, может стать важнейшим фактором влияния на специфику бренда нашей республики. Его духовно-нравственный потенциал, отражающий менталитет народа саха, соответствует общечеловеческим гуманистическим ценностям и свидетельствует о том, что якутская культура при всей своей уникальности неразрывно связана с мировой культурой. Факты, которые были приведены выше, по большому счету составляют описание имиджа якутской культуры, сложившегося в среде наиболее авторитетных ученых-филологов, фольклористов, культурологов; они помогут понять, каким образом, на каком духовном основании может случиться интеграция якутской и мировой культуры. В этом отношении совершенно необходимо уяснить место, которое занимает Олонхо в современном социокультурном пространстве.

Для древнего человека Олонхо было универсальной информационной системой, вобравшей в себя все накопленные человечеством знания. Причем последние хранились в тексте в многократно перекодированном виде, в результате чего Олонхо предстает перед нами в качестве наивной (донаучной) картины мира и в каком-то до сих пор продолжает поражать воображение исследователей. Эта роль, которую играло Олонхо в жизни древнего человека, оказалась настолько масштабной, что никакой культурный феномен современности не в силах заменить его. Современному человеку остается только создать структурные аналогии.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Н.К. Заметки об эпосе якутов//Советская тюркология. - 1974. - №1.
- Бурцев Д.Т. Якутский эпос олонхо как жанр. – Новосибирск, 1998.
- Габышева Л.Л. Этикет исполнения олонхо // Полярная звезда. – 2002.- № 2.
- Емельянов Н.В., Петров В.Т. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ» // Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». - Новосибирск, 1993.
- Кривошапко Г.М. Музыкальная культура якутского народа. – Якутск, 1982.
- Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса.- М., 1968.
- Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986.
- Пухов И. Якутские олонхо и эпос алтайцев // Полярная звезда. – 1970.
- Республиканская целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо» на 2009-2011 годы и ее основных направлений до 2015 года».
- Решетникова А.П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. - Якутск, 2005.
- Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. - М., 1993.
- Сидоров Е.С. Восточные мотивы якутских олонхо // Актуальные проблемы филологии. Выпуск 3.- Якутск, 2000.
- Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. - Л., 1969.
- Цит. по кн.: Уткин К.Д. Мифологические основы якутских олонхо. – Якутск, 1994